

Фаньинь Гу была знаменитой долиной в пределах горы Фуюй. Здесь обитали редкие и драгоценные в мире виды птиц - Бийняо [1].

Если верить сказаниям, эти птицы Бийняо всегда отличались чувствительным характером. С каждым поколением они становились все более слабыми. Даже чуть-чуть загрязненный воздух мог довести их до болезни. По этой причине много лет назад их предки с большим трудом нашли эту долину и заставили все племя укрыться здесь.

Для того, чтобы предотвратить загрязнение извне и дабы никто не мешал их культивированию, долина Фаньинь открывала проход лишь каждый цикл цзя-цзы [2]. Она открывалась лишь на короткое мгновение небольшой трещиной, чтобы пропустить небесных посланников. Никто, кроме опытных и умелых, не мог за этот короткий миг протиснуться через нее.

Янь Чиу мог бы ударить раньше, он мог бы ударить позже, но он ждал подходящего момента, когда долина Фаньинь открылась для удара. Ветер мог дуть на восток, мог дуть на запад, но он дул прямо в расщелину между каменными стенами. Тропинка не была ни широкой, ни узкой; ее было как раз достаточно, чтобы пройти вдвоем. Могло ли это быть простой удачей?..

Как человек, потерявший душу на ничейной земле, Фэн Цзю огляделась в поисках подходящего валуна, на который можно было присесть. Она увидела Янь Чиу, сидящего на корточках рядом с увитой плющом скалой. Он сидел к ней спиной, и она чувствовала ярость, исходящую от него.

Когда они впервые упали, Фэн Цзю упала на Янь Чиу, и, несмотря на боль, он не издал ни звука. Хотя он и не спас ей жизнь, он все же избавил ее от некоторых телесных страданий. Янь Чиу был не таким уж плохим человеком, подумала она. Недаром говорят, первое впечатление обманчиво, и теперь она относилась к нему более дружелюбно.

- Сяо Янь, - мягко позвала она его.

Сяо Янь повернул голову и чуть не прожег дыру в ее лице своим взглядом.

- Назовёшь меня Сяо Янь еще раз, и я сделаю рассол из твоего языка.

Этот Сяо Янь пробуждал в ней что-то материнское. Она подошла к нему и терпеливо спросила: «Тогда как ты хочешь, чтобы я тебя называла?»

Он немного подумал и ответил: «Как бы смертные ни называли своих самых сильных людей, называй меня так же».

Фэн Цзю посмотрела на маленького, хрупкого Янь Чиу, на то, как его тело сужалось от сгорбленных плеч к тонкой талии.

- Тогда, воин Сяо Янь?

Воин Сяо Янь удовлетворенно кивнул.

- Мы находимся в середине нигде, - сказала Фэн Цзю, осматривая окрестности, - и к тому же ты ранен. Воин Сяо Янь, почему бы нам не поговорить, пока ты отдыхаешь?

Кажется, новое имя пришлось ему по вкусу, и от былой ярости не осталось и следа. Ответил он удивительно мягким голосом: «О чем ты? Выкладывай».

Фэн Цзю, воодушевившись, подошла ближе.

- Честно говоря, я думаю, что ты честный человек, но есть одна вещь, которую я хотела бы узнать.

Теперь она подошла еще ближе: «Ты действительно был тем, кто заманил Дун Хуа Дицзюня в Сферу Нечистого Лотоса? Раньше я в это верила, но, судя по тому, что я вижу сегодня, такой коварный обман - это не то, на что способен такой благородный человек, как ты».

Этот почетный воин Сяо Янь молчал. Краска смущения поползла по его лицу, и наконец он ответил: «Это... это правда. Это был я. Ну и что?»

Фэн Цзю сдержанно выразила свое удивление.

Его стыд превратился в гнев: «Этот Ледышка тоже не очень хороший человек. Ты не должна была оставаться с ним!»

Фэн Цзю, продолжая демонстрировать свое удивление, ответила: «Пожалуйста, продолжай».

По словам воина Сяо Яня, он по ошибке запер Дун Хуа в Сфере Нечистого Лотоса в том году. Все началось тогда, как и сегодня, с драки между двумя сверстниками. Все было открыто и честно.

В то время он был очень сильно влюблен в принцессу Цзи Хэн. Когда он услышал, что брат устроил ее брак, он был вне себя от беспокойства. Поскольку клан Демонов всегда обладал огромной властью и могуществом, он думал, что если сможет победить Дун Хуа в бою, Цзи Хэн изменит свое мнение, и он сможет прийти к ее брату просить ее руки. Его шансы на успех были достаточно велики.

Применив все накопленные за свою жизнь знания, он написал трехдюймовое приглашение на дуэль и попросил Матушку Доу-му [1] передать его Дун Хуа. Через семь дней старушка Доу-му вернулась с ответом от Владыки. Он утверждал, что сейчас сезон сбора чая во дворце Тайчэнь, и поэтому он не может оставить свои домашние обязанности. Он отказался.

Для Янь Чиу оправдание Дун Хуа показалось достаточно правдоподобным. Сбор чая всегда был важен для этих нежных людей. С другой стороны, он никак не мог примириться с тем, что дуэли не будет. Поэтому однажды ночью он пробрался во дворец Тайчэнь и весь вспотел, собирая чайные листья для Дун Хуа. Он даже собирался разобрать их и упаковать, как только сбор будет закончен, тогда Дун Хуа почувствует благодарность и выделит несколько часов для их борьбы. Но Дун Хуа не делал того, что сделали бы нормальные люди. Он небрежно принял пакетики с чаем и просто поблагодарил. Затем он вскользь упомянул, что есть несколько душистых растений, которые нужно высадить. Янь Чиу подумал, что Дун Хуа испытывает его, и поэтому сразу согласился. Но по прибытии в поле он увидел, что там было не просто несколько растений, их было несколько десятков. Он работал в поте лица еще два дня, чтобы посадить их все, прежде чем вернуться к Дун Хуа. Тем не менее, Дицзюнь все еще утверждал, что есть вещи, которые требуют его внимания, например, были два пруда с лотосами, которые нуждались в уходе. Поэтому Янь Чиу пошел и привел в порядок лotosовые пруды. После того, как он закончил с прудами, Дун Хуа утверждал, что прошло слишком много времени с тех пор, как дворец Тайчэнь ремонтировали; также на лужайке перед домом назрели абрикосы, которые нужно было собрать...

Янь Чиу быстро вышел на лужайку перед домом. Дун Хуа вальяжно развалился под кустом глицинии и загорал, пока ловил рыбу. Его служанки тоже бездельничали, весь дворец был на

отдыхе! Ради одного боя Янь Чиу отремонтировал весь дворец Тайчэнь. Когда он, наконец, закончил со всем, он еще раз напомнил Дун Хуа о дуэли и его обещании. Дун Хуа, державший в руке буддийское писание, ни разу не соизволил поднять глаз.

- Когда я тебе обещал?

- Ты сам так сказал. Если бы я помог тебе с делами, ты бы подумал о нашей дуэли.

Дун Хуа медленно поднял голову: «О, я уже подумал об этом. Не хочу».

Ошарашенный, Сяо Янь, наконец, понял, что Дун Хуа играл с ним. Прежде чем пробраться во дворец Тайчэнь, двое его подчиненных предупреждали его насчет Дун Хуа. Хотя Владыка был известен своей суровостью, они опасались, что у него странный характер. Они думали, что их лорд слишком доверчив и, скорее всего, к нему отнесутся несправедливо. Сяо Янь думал, что эти двое мелят чепуху. Оказалось, что он убил кучу времени из-за какого-то розыгрыша.

Переполненный негодованием, он поклялся преподать Дун Хуа урок. В ту ночь он ворвался в семиэтажную пагоду и украл Нефрит Запирающий Душу, который Дун Хуа запечатал внутри. Затем он использовал его, чтобы заставить Дун Хуа подняться на гору Фуюй для их дуэли. Запирающий Душу Нефрит был замком, который удерживал Сферу Нечистого Лотоса, где были заперты самые мерзкие и подлые чудовища мира. Он использовался для заключения демонических душ, которым было не видать просветления. Если он будет потерян, на карту будет поставлено благосостояние всего мира.

Из-за этого нефрита Дун Хуа действительно преследовал его до горы Фуюй. Обменявшись несколькими ударами, Янь Чиу запоздало понял, что в предыдущие дни он потратил свою энергию на выполнение поручений Дун Хуа. Затем каким-то чудом он открыл нефрит и поймал Дун Хуа внутри Сферы Лотоса...

Несмотря на то, что было сказано раньше, это и стало истинным началом всего.

В это время воин Сяо Янь позволил себе вздохнуть и с горечью заключил: «Это была божественная воля».

Фэн Цзю больше не могла сдерживаться и рассмеялась. Увидев мрачное лицо воина Сяо Яня, она поспешила сменить свое выражение и сказала: «Он действительно плохо обращался с тобой. Пожалуйста, продолжай, продолжай».

Сяо Янь нахмурился, потом сухо рассмеялся: «На самом деле я его больше не ненавижу. Говорят, что лучшая месть - это жалость к своему врагу, и я очень жалею его, пока мы говорим».

Фэн Цзю бочком подобралась к нему и осторожно наклонилась.

- Для всех в этом мире Дун Хуа - это Бог, у которого нет ни желаний, ни амбиций. Но я точно знаю, что на него влияет один человек. Хочешь знать, кто она?

- Цзи Хэн, - не раздумывая, ответила Фэн Цзю.

Сяо Янь подскочил от удивления: «Откуда ты знаешь?»

Фэн Цзю прикусила палец и мысленно выругалась: «Черт возьми, так это действительно Цзи Хэн». С тем же самым выражением она небрежно сказала: «Давай посмотрим, соответствует

ли твоя история тому, что я знаю».

В рассказе Сяо Яня Фэн Цзю не обнаружила ничего нового. Дун Хуа действительно влюбился в Цзи Хэн, потому что она заботилась о нем в Сфере Нечистого Лотоса. Она знала начало этой истории даже лучше, чем Сяо Янь. Ведь когда Цзи Хэн заботилась о Дун Хуа в Сфере Нечистого Лотоса, она сама была там и тоже была свидетелем этого. Только она была просто маленькой лисой, которая даже говорить не могла.

Если бы она могла поступить иначе, она бы не превратилась в лису в это конкретное время. Но она дала обещание своему помощнику. Это была долгая история.

Она подметала лужайку перед дворцом Тайчэнь, когда услышала новости о том, что Дун Хуа собирается на гору Фуюй. Она тут же отбросила метлу в сторону и поспешно направилась к Южным землям.

Когда она добралась до горы Фуюй, бой уже закончился, остались лишь следы жесточайшей битвы. Посреди выжженной местности находилось засушливое озеро, а посреди высохшей грязи внутри озера возвышался нефритовый курган около десяти метров высотой. Двух противников, которые должны были сражаться, нигде не было видно. Она увидела только странного мужчину, который, несмотря на жаркую погоду, был одет в меховую шубу. Он стоял на облаке под палящим солнцем, а в руке у него была маленькая грелка. Он повернулся к Фэн Цзю и спросил: «Ты пришла спасти кого-то?»

Фэн Цзю уставилась на него, и ей стало очень жарко.

Нефритовый холмик в ложе засохшей грязи был Нефритом Запирающим Душу. Дун Хуа был где-то внутри, пойманный в ловушку. Поскольку божество было заперто внутри, Янь Чиу не мог взять его с собой и, окрыленный победой, уже отправился домой. Незнакомый человек, одетый в норковую шубу, был черным демоническим Лордом Не Чуинь, который случайно проходил мимо и решил посмотреть, сможет ли он получить какую-нибудь выгоду из сложившейся ситуации.

Было легко войти, но трудно покинуть Запирающий Душу Нефрит. Когда Дун Хуа создал его, он намеренно оставил место для некоторых лазеек. Например, если бы божество было заперто внутри, замок не смог бы сдвинуться ни на дюйм. Решив, что он ничего не получит, Не Чуинь уже собирался уходить, когда в этот самый момент Фэн Цзю поспешно выбежала вперед. Позади нее развевались девять алых хвостов, подтверждая, что она действительно была Фэн Цзю из семьи Бай.

У Не Чуиня не было никакого хобби, кроме коллекционирования бархатистых красивых шкурок. Все его жены в гареме в своем первоначальном виде были пушистыми млекопитающими. Этого было достаточно, чтобы показать его одержимость. Обычно бессмертные, следуя этикету, не пытались узреть первоначальную форму друг друга, но Не Чуиня это мало заботило. Не обращая внимания на ее юное лицо, которое уже было довольно красивым, первое, что он заметил, была ее первоначальная форма и девять величественных красных хвостов, которые волочились вслед за ней.

Он указал на Фэн Цзю и спросил: «Ты одна из небесных? Союзница Дун Хуа, да? Ты пришла, чтобы спасти его?» Она кивнула, и он от души рассмеялся. «Янь Чиу запер его внутри Сферы Нечистого Лотоса там, внизу. Думаю, своими силами тебе его не спасти». В этот момент он сделал паузу, и его смех стал еще более сердечным.

- Не хочешь обменяться со мной? Позволь мне одолжить твой мех вместе с твоими девятью

хвостами на три года, и я одолжу тебе половину своей силы, чтобы спасти его. Что скажешь?

Ситуация была критической. В тот момент, когда Фэн Цзю услышала, что Дун Хуа был пойман в ловушку внутри Лotosовой Сферы, казалось, душа покинула ее тело. К тому времени, как она вернулась, она услышала лишь, что Не Чуинь собирался одолжить ей половину своей силы, чтобы спасти Дун Хуа. В мире все еще есть хорошие люди, подумала она... Хотя его одежда заставляла ее чувствовать головокружение.

Она быстро кивнула. Контракт был заключен. Вспыхнул белый свет, и хотя она все еще не совсем понимала, что происходит, ее шерсть и хвосты исчезли. Теперь она поняла, что в спешке пропустила важную часть разговора. Потеря девяти хвостов не была большой проблемой. Подумаешь, вместо них останется пустое голое место. Но потерять ее мех означало потерять ее внешность и магию. К счастью, Не Чуинь был достаточно любезен, чтобы дать ей временную шубку из обычного лисьего меха. Честно говоря, сейчас было не время рассуждать; спасение Дун Хуа было более важным.

Всякий раз, когда она вспоминала этот момент, она чувствовала, что ее грандиозный вход в Сферу Нечистого Лотоса был абсолютно великолепен.

В это время светящийся нимб окружал ее голову. Ее ноги скользили по двум облакам, когда она выросла в сто раз и вошла в Лotosовую Сферу. Вздых от ее дыхания вызвал вихрь, легкий кашель швырнул огненные шары, а хриплый чих выпустил молнии. В тот момент она была абсолютным оружием.

Какой блестящей и впечатляющей она была. Но заметил ли Дун Хуа ее блеск или нет, после всех этих лет она все еще не знала.

Внутри бесконечного мира Дун Хуа создал безграничное силовое поле. По другую сторону силового поля скрывались тени бесчисленных демонических душ. Каким бы волшебством ни пользовался Дун Хуа, на этой стороне силового поля меч Цанхэ в двадцати метрах от него разделился на семьдесят два прозрачных клинка, выстроившихся в две линии. Эти лезвия по какой-то причине превратились в ряды саловых деревьев. Их корни и ветви переплетались друг с другом, и из них вырастали цветущие лозы Бодхи. В мгновение ока они расцвели, затем в мгновение ока завяли, обрушив на небо ливень из лепестков. В воздухе лепестки образовали восемь спиц серебряного лотоса Дхармачакры [4]. Зрелище было впечатляющим - колесо продолжало двигаться подобно Дхарме, которая приносит вечную жизнь. Из вечного колеса Дхармы внезапно вырвались десять тысяч золотых лучей, которые проникли сквозь силовое поле, и ринулись прямо на свирепых демонов с другой стороны. Освещенные ярким золотым светом, стоявшие в первом ряду демоны немедленно пали ниц. Это казалось длительной магией, но на самом деле отняло время, за которое мелькает в голове одна мысль. Или даже меньше времени, которое требовалось для того, чтобы песчинка, упавшая с кончиков пальцев, достигла Земли.

Много лет спустя Фэн Цзю узнала, что эта причудливая магия была получена из техники Дхармачакры Западных Небес. Ее целью было благословить живые существа, используя нимб Будды. В мире было только три человека, которые овладели этой техникой. В то время она не знала, что это бывает так редко. Она только взволнованно размышляла о том, что если бы ее меч Таочжу мог также трансформироваться и превратиться в семьдесят две метлы, то как быстро бы она подметала двор.

Те трое, кто изучил эту магию, были Будда Западных Небес, Мо Юань с горы Куньлунь и Дун Хуа перед ее глазами. Первые двое, несомненно, достигли состояния бодхичитты [5] и

регулярно использовали этот приём для благословения жизни; Дун Хуа был просто вынужден использовать его. Если бы он захотел покинуть Сферу Нечистого Лотоса, он мог бы только разрушить мир, который защищал Нефрит Запирающий Душу. Если он не позаботится обо всех демонических душах, они вырвутся на свободу, когда эта среда будет уничтожена. Если бы он, как обычно, убил их одним взмахом меча, это лишь вызвало бы еще большее негодование, которое охватило бы весь мир. Всегда находились вероломные люди, готовые воспользоваться такими вещами и нанести еще больший ущерб цивилизации. По этой причине Дун Хуа выбрал более длинный путь спасения. Даже если найдутся демоны, не способные к просветлению, их число все равно значительно уменьшится. Просвещение других требовало больших усилий, а ведь здесь металось десятки тысяч демонических душ. Использование нимба Будды когда-то уже лишило Дун Хуа большей части энергии. У него не было времени, чтобы восстановиться, в то время как за пределами силового поля оставалось зло, еще не просветленное.

Не часто Дун Хуа попадал в беду. Фэн Цзю дорожила своим шансом и с радостью прыгнула на сцену истории. Как только она ступила на эту сцену, Фэн Цзю захотелось покрасоваться. Во-первых, сегодня все было по-другому. Она позаимствовала половину магии Не Чуиня и теперь была по-настоящему могущественной лисой. Во-вторых, Дун Хуа наблюдал снизу. Не часто она могла похвастаться перед ним; если бы она не пощеголяла своей силой немного, это было бы пустой тратой времени быть обманутой Не Чуинем.

Она поймала ветер и храбро выпрыгнула из силового поля Дун Хуа. Демоны потеряли былую сноровку и медленно реагировали из-за нимба Будды. Сверху на них обрушились огненные шары и молнии. И те, и другие были исключительно точны: сто ударов, сто попаданий. Они подходили к ней один за другим, неиссякаемым потоком, и она легко уничтожала их всех.

Конечно, она тоже была ранена; хотя это произошло по большей части из-за ее небрежности. Поскольку она не владела этим навыком, она случайно подпалила часть меха на животе и получила несколько волдырей, выплевывая огненные шары. Она также не была особенно хороша в стрельбе электрическими лучами. Она подняла лапу, чтобы выстрелить, но забыла вовремя отдернуть ее, и её переднюю конечность тут же охватило пламя.

Будучи застигнутой врасплох, она не сразу почувствовала боль. Сокрушительный болевой удар настиг ее неожиданно. Он проник глубоко в ее кости и органы. Она упала с облака и потеряла сознание от боли. Фэн Цзю не знала, что упав, оказалась в объятиях Дун Хуа, который смотрел на нее снизу вверх.

Это случилось много лет назад, но Фэн Цзю все еще помнила, что она не сразу пришла в себя.

Вместо этого ей приснился сон.

Это было похоже на легенду, в которой Будда пожертвовал собой, чтобы спасти голодающую тигрицу [6]. Он был полон великодушия.

В ее сне палящее солнце сверкало сверху, а воздух был наполнен дымом и пылью. Синее море высохло, земля растрескалась, образовав 81 участок земли.

На поле стояла каменная кровать. Дун Хуа лежал на ней и выглядел так, будто голодал в течение нескольких дней.

Она смотрела на него с бьющимся сердцем. По какой-то причине ей удалось заговорить, и она протянула ему свою лапу: «Может, погрызешь мою лапку? Она уже поджарена. Жир все еще капает, смотри».

Дун Хуа взял ее переднюю лапу, немного подумал и действительно надкусил. Это было больно, но сладкие чувства взяли верх, когда она спросила его: «Я постаралась - поджарила ее хрустящей снаружи, но сочной внутри. Вкусно?»

В его руке что-то мелькнуло, когда он ответил: «Я думаю, нужно больше соли».

Соль посыпалась вниз, как белые снежинки. Она болезненно вскрикнула и проснулась вся в поту.

Ее глаза распахнулись, и она действительно увидела Дун Хуа, но та, что держала ее раненую конечность, была красивой женщиной в белом, которую она никогда раньше не встречала. Лапа лисички была покрыта темной повязкой. Женщина разорвала юбку, затем использовала тонкую шелковую полоску, чтобы искусно обернуть ее раненую ногу.

Позже Фэн Цзю узнала, что эта красавица и есть знаменитая Цзи Хэн. Когда она услышала, что стала причиной драки Янь Чиу и Дун Хуа, она поспешила отправиться на гору Фуюй, надеясь отговорить их обоих. Однако по дороге она заблудилась и опоздала. Затем, каким-то образом, она упала в Сферу Нечистого Лотоса и наткнулась на пойманного в ловушку Дун Хуа.

Много лет спустя, когда все прошло, Фэн Цзю наконец поняла, что судьба связала Цзи Хэн с Дун Хуа намного крепче, чем ее. Раньше она никогда об этом не задумывалась. В те дни она лежала на коленях Цзи Хэн, а в ее глазах отражался Дун Хуа, сидящий в нескольких шагах от них. Ее сердце колотилось от удовольствия, и ей ни до кого не было дела.

К тому времени прошло уже две тысячи лет с тех пор, как Дун Хуа впервые спас ее на горе Циньяо.

За те две тысячи лет она находилась ближе всего к нему, когда Дун Хуа ловил рыбу у пруда, а она убирала участок на другом берегу; когда Дун Хуа играл в шахматы во дворе, а она подметала площадку напротив него; когда Дун Хуа поливал чайные растения в саду, а она подметала землю рядом. Хотя она никогда не смотрела слишком пристально на Дун Хуа на протяжении многих лет, его образ был запечатлен в ее сердце с самого первого дня. Она знала его лицо лучше, чем содержимое своих учебников.

Он совсем не изменился. Он был по-прежнему красив и царственен, но с тех пор, как он потерял часть божественной энергии, он выглядел вялым, как будто только что проснулся от болезненного сна. Пребывая в апатии, он сидел и смотрел, как быстрые пальцы Цзи Хэн пробираются сквозь огненно-красный мех Фэн Цзю.

Цзи Хэн действовала споро, но все красивые женщины в клане демонов любили длинные ногти. Нежная плоть Фэн Цзю не выдержала случайных царапин Цзи Хэн. Когда она застонала от боли, Дун Хуа взял несколько кусков шелка, смоченных в дождевой воде, и сказал Цзи Хэн: «Позволь мне». Не зная, что у него нет абсолютно никакого опыта в перевязке ран, Фэн Цзю продолжала скулить. Она даже жалобно всхлипнула.

Когда Лotosовая Сфера погрузилась во тьму, теплый туман мягко поплыл вверх и окружил силовое поле. Окруженное этими слоями из мглы, силовое поле казалось плавающим.

Влажный от росы шелк был обернут вокруг ее конечностей и живота. Дун Хуа с небрежным выражением на лице действовал гораздо мягче, чем Цзи Хэн. Боль Фэн Цзю уменьшилась, и он закончил прежде, чем она поняла это. Когда он перевязывал ее рану, он казался таким терпеливым и внимательным. Она однажды наблюдала у него этот взгляд, когда он полировал керамику; это был тот же самый ироничный взгляд сосредоточенности и безразличия. Как она

любила этот его взгляд!

Когда он завязал последний узел, Цзи Хэн приблизилась к ним и спросила: «Владыка, как... как она будет двигаться, если вы завернете ее вот так?»

Фэн Цзю подняла свою конечность, обернутую как тыква, и моргнула. Промокшая повязка не высохнет по крайней мере еще дней десять. Ее лапа была прохладной и влажной, и она больше не чувствовала боли. Но стоять только на трех лапах было не очень удобно. В тот момент, когда она упала, ее, к счастью, поднял на руки Дун Хуа. Он потянул её завернутую конечность вперед и сказал: «Попробуй выдохнуть огненный шар».

Фэн Цзю на самом деле не знала, зачем, но она сделала так, как было сказано, и выдохнула. Когда порыв магии коснулся шелка, то издал шипящий звук и затих. Дун Хуа стряхнул выступивший пепел и сказал: «Она должна быть толстой, чтобы не прожечь ее изнутри».

Цзи Хэн смущенно посмотрела на Фэн Цзю, затем до нее дошел смысл слов Дун Хуа, и она рассмеялась: «Насколько я поняла, эта лисичка была ранена из-за переделки, в которую мы попали. При обычных обстоятельствах она бы не поранилась. Владыка беспокоился напрасно». Увидев, как Фэн Цзю расширила глаза от негодования, Цзи Хэн задумчиво добавила: «Она выглядит довольно умной, она не может быть настолько глупой».

Из-за этой похвалы у Фэн Цзю возникло дружеское чувство к Цзи Хэн.

Дун Хуа гладил мягкую детскую шерстку на ее голове. Услышав это, он посмотрел вниз и сказал: «Не могу сказать наверняка».

Фэн Цзю чувствовала, что Дун Хуа совершенно не понял ее. Она знала, что он всегда предпочитал умных животных. Один за другим, каждое его верховое животное было умнее предыдущего. Это само по себе было достаточным доказательством. После долгих размышлений она пришла к выводу, что единственный способ стереть ложное впечатление Дун Хуа - это выпустить огненный шар, который может причинить вред другим, но не ей. Поэтому она пыталась и пыталась, чтобы выпустить огненный шар, который наколдowała у себя в животе. Но из-за того, что она слишком тяжело дышала, ее горло начало зудеть, и она закашлялась серией удушливого пламени. Порыв ветра подхватил пламя и перебросил его на ее здоровую лапу. Ее мех мгновенно загорелся.

Дун Хуа быстро схватил ее за лапу и выпустил ледяную энергию из кончиков пальцев, чтобы заморозить огненный шар. Он поднял ее на руки и пробормотал Цзи Хэн, а может быть, и самому себе: «В конце концов, она и правда не так уж умна». Фэн Цзю посмотрела на ее обожженную правую лапу и стыдливо отвела взгляд от Дун Хуа. Ей было грустно, больно и одновременно стыдно.

Хоть воспоминания и поблекли, Фэн Цзю помнила, что она пробыла семь дней в Сфере Нечистого Лотоса вместе с Дун Хуа и Цзи Хэн. Чтобы вырваться из этого мира, Дун Хуа пришлось использовать это время, чтобы восстановить свою божественную энергию. Говорят, что дом - это место, где твоё сердце пребывает в мире. Фэн Цзю была в мире рядом с Дун Хуа. Даже в бесплодной Лotosовой Сфере она начала находить свое очарование. Жаль, что ее передняя конечность была повреждена и не способствовала движениям. В противном случае, она бы уже каталась по земле, ликуя.

Дун Хуа медитировал каждый день. Цзи Хэн занималась поиском пропитания. Обыскав все вокруг, она обнаружила, что в этом месте был только ямс [7]. Уровень культивации принцессы позволил бы ей прожить целый год без пищи, о Дун Хуа и говорить нечего. Но Фэн Цзю

потеряла большое количество энергии после битвы. Ее желудок провалился в грудную клетку сразу после первого дня без еды. По этой причине Цзи Хэн пришлось постараться, чтобы добыть еду специально для нее. Каким хорошим человеком была Цзи Хэн, что так заботилась о ней. Первые несколько дней Фэн Цзю могла выдыхать огненные шары и поджаривать свой ямс. Но она не ожидала, что Не Чуинь будет таким расчетливым. Сила, которую он дал ей, действовала не более трех дней; через три дня она автоматически исчезла, не оставив после себя даже клочка дыма. Цзи Хэн практиковала магию воды, поэтому она тоже не могла помочь Фэн Цзю разжечь огонь. Какая жалость. Она была достаточно разборчива в еде, она не могла есть непрожаренный ямс.

В это время Дун Хуа сидел неподалеку, медитируя, чтобы восстановить силы. Его окружало огромное и прекрасное белое пламя, напоминающее перевоплощающегося Феникса. Поскольку Синее море, откуда он пришел, накапливало магию Инь, он всегда нуждался в небесном огне, чтобы уравнивать силы. После каждого уровня восстановления, ему нужно было подчинить магию небесному огню, прежде чем он мог использовать энергию в своих интересах. Цзи Хэн смотрела на него в благоговении. Фэн Цзю была моложе Цзи Хэн и, следовательно, была в еще большем восторге. Ее глаза ярко сияли. Не обращая внимания на боль, она опустила левую лапу на землю, а правой со всей силы бросила в пламя ямс. Увидев, что он проскочил сквозь завесу пламени, она обрадовалась и закинула туда еще семь или восемь штук. Затем она тихонько села в стороне и стала ждать. Конечно же, небесное пламя в конце концов погасло и уступило место аромату жареного ямса. Несколько штук лежали на земле, еще два лежали у Дун Хуа Дицзюня на коленях.

Цзи Хэн в шоке уставилась на Фэн Цзю. Не обращая внимания на ее пристальный взгляд, Фэн Цзю радостно заковыляла к ямсу и осторожно забрала его с колен Дун Хуа. Остальные она собиралась положить в небольшой тайник.

Она еще не закончила, когда Дун Хуа поднял ее за загривок. Цзи Хэн вздрогнула и закрыла глаза. В этот момент Фэн Цзю все еще сжимала обжигаяще горячий ямс. Дун Хуа держал ее так высоко, что было бы стыдно выронить его и испортить пищу.

Он взглянул на нее и забрал ямс со словами: «Ты собираешься съесть все это сразу?»

Фэн Цзю округлила глаза и энергично кивнула. Она изо всех сил старалась скорее поправиться, поэтому, естественно, у нее был хороший аппетит. Дун Хуа нахмурился и опустил ее обратно на землю. Затем он разломил ямс на две части и дал ей маленький кусочек.

- Сегодня ты можешь съесть только это.

Она не могла поверить своим ушам. Лапы у нее подкашивались. Как она насытится с такой малости? Дун Хуа продолжал хладнокровно говорить ей: «Или ты можешь пойти к той большой скале и посидеть там полчаса. Тогда я оставлю тебе все остальное».

Фэн Цзю удрученно взяла половину своего ямса и направилась к скале. Цзи Хэн последовала за ней и, присев на корточки, тихо спросила: «Ты знаешь, как я испугалась за тебя, когда ты бросила ямс в лоб Владыки?» Фэн Цзю отвернулась и проигнорировала ее. Она ничего не сказала, чтобы помочь, и она называла себя подругой. Цзи Хэн повернулась к Фэн Цзю и рассмеялась: «Владыка просто пошутил. Угадай, что я только что видела? Небесный огонь на самом деле не годится для жарки ямса. Лучше жарить его медленно на маленьком огне. В противном случае клубень будет обжарен снаружи, но останется сырым внутри. Тогда у тебя заболит живот. Владыка сейчас поджаривает для тебя остальные. Когда они будут готовы, он отдаст их тебе».

В тот вечер у Фэн Цзю был лучший жареный ямс, который она когда-либо пробовала за последние триста веков.

Она знала, что ментальная память человека недолговечна, особенно для бессмертных, которые живут так долго, но вкусовая память человека превращается в естественные инстинкты. Например, она все еще помнила вкус домашних блюд своей матери из детства, независимо от того, как давно это было; то же самое было с жареным ямсом Дун Хуа в тот день.

Глядя на сияющее лицо Цзи Хэн, когда принцесса разговаривала с Дун Хуа, Фэн Цзю иногда чувствовала зависть. Но когда Сфера Нечистого Лотоса погрузилась в ночь, она была даже рада, что стала рыжей лисицей. В такие моменты Цзи Хэн отдыхала в другой пещере, чтобы избежать слухов, а Фэн Цзю могла спокойно спать рядом с Дун Хуа. Кроме того, Дун Хуа действительно любил пушистых животных. Когда ночью температура падала, даже если она чувствовала, что может выдержать это, он прижимал ее к себе, чтобы согреть.

Сначала она была немного застенчива в его объятиях. Но через день или два она даже не могла вспомнить, как пишется слово «застенчивость», и уже сама подталкивала лапами руку Дун Хуа. Когда они ложились спать, она притворялась, что ничего не замечает, и прижималась к его телу. Если Дун Хуа отодвигался на дюйм, она продвигалась вперед на два дюйма. Если Дун Хуа вздумал бы повернуться на другой бок, она бы бесстыдно мяукала, как делала это во младенчестве со своей матерью. Такая тактика была довольно действенной.

В последний день их пребывания в Лotosовой Сфере моросил дождь. Дун Хуа использовал магию, чтобы создать прозрачный круглый купол. Фэн Цзю прильнула к нему, наблюдая за вечерним дождем. Капли дождя с бесконечного неба падали на землю, ярко-зеленого цвета, словно нефрит. Звездный свет подчеркивал блестящие капли. Она думала о завтрашнем дне, когда они покинут это место. Что, если Дун Хуа не возьмет ее с собой на Небеса, и им все равно придется расстаться? Даже если она снова проберется во дворец Тайчэнь, ей придется ждать еще три года. Она печально покачала головой и почувствовала себя еще более несчастной под звуки падающих капель. Она решила лечь спать, но повернувшись, увидела, что Дун Хуа уже крепко спит. Его длинные серебристые волосы струились вниз, как снег на вершине горы или лунный свет на Млечном Пути. Во сне его лицо казалось вылепленным из льда.

Глаза Фэн Цзю блеснули, ее печаль мгновенно развеялась, словно дым. Она на цыпочках подобралась к Дун Хуа. Опустившись на колени перед его лицом, она некоторое время молча смотрела на него. Когда она решила, что он крепко спит, она закрыла глаза и подошла ближе, желая поцеловать его. Она давно хотела это сделать, но Дун Хуа медитировал последние несколько ночей. Она никак не могла дождаться его и всегда засыпала первой. Небеса сжалились над ней сегодня вечером и, наконец, предоставили ей этот шанс. Она была вне себя от радости.

Но в тот момент она была всего лишь лисой. Поэтому поцеловать его в губы было немного проблематично. Она долго колебалась и, наконец, одним быстрым движением облизнула уголок его губ. Затем она быстро легла и притворилась спящей. Дун Хуа оставался неподвижным. Она подождала еще несколько секунд, несколько раз толкнула его локтем и еще дважды лизнула в щеку. Видя, что он по-прежнему не отвечает, она набралась храбрости и положила передние лапы ему на плечи. Она облизала его лоб и нос, но была слишком застенчива, чтобы прикоснуться к его губам.

Как прекрасны были его губы, бледные и холодные на первый взгляд... окажутся ли они такими же холодными на самом деле, если она облизнет их... нет, ее поступок был бы более

дерзким, если бы она поцеловала его. Она на мгновение заколебалась. Это мой первый поцелуй, подумала она. Она церемонно, совсем легонько коснулась его губ. В это мгновение Дицзюнь, который должен был крепко спать, внезапно открыл глаза. Глаза Фэн Цзю тут же расширились. Она думала, что это может случиться, и готовилась к этому. Только... как же горько, что ее первый поцелуй был самым коротким, который когда-либо видел этот мир.

Звездный свет мерцал, как бесчисленные драгоценные камни. Изумрудные капли дождя падали над прозрачным куполом, пузырьки лопались там и сям, издавая переливчатые звуки, похожие на звуки семиструнной цитры. Лицо Дун Хуа было покрыто слюной, но выражение его лица оставалось неизменным, когда он пристально смотрел на нее.

Фэн Цзю застыла и скромно убрала язык. Затем она подняла лапу, чтобы вытереть слюну с лица Дун Хуа, и сделала вид, что ничего не произошло. В конце концов, сейчас она просто лисичка. Дун Хуа не будет слишком много думать об этом. Она просто должна притвориться его питомцем; таков был ее план.

Она невинно оглянулась на Дун Хуа спустя некоторое время, и, как она и предсказывала, все было в порядке. Хотя это длилось всего лишь миг, возможность поцеловать губы Дун Хуа выпадает не часто. Она зевнула и легла спать, теперь уже бессознательно лаская Дун Хуа своими лапами. Дождь за пределами купола, наконец, начал прекращаться. Фэн Цзю провалилась в глубокий сон. Не обращая внимания на Дун Хуа, во сне она ворочалась и кружилась во всех направлениях, иногда прямо, иногда распластавшись, словно орел.

Когда Фэн Цзю проснулась на следующее утро, перед ее глазами открылось огромное небо. Маленькие лужицы жадеита [8] остались от дождя накануне вечером. Поверхность воды блестела под солнечным светом, как сверкающие украшения. Дун Хуа медитировал вдалеке. Цзи Хэн нашла где-то огненные камни и сухое сено и развела костер, чтобы поджарить еще ямса для Фэн Цзю. Она неторопливо подошла к Цзи Хэн, чтобы посмотреть, как принцесса разводит огонь. Ее живот почему-то слегка раздулся, и она рыгнула. Она отрыгнула семь или восемь раз, когда Цзи Хэн, наконец, погладила ее раздутый живот. Дун Хуа, вероятно, закончил медитацию и медленно направился к Цзи Хэн, чтобы помочь ей с огнем.

В это время Цзи Хэн переворачивала Фэн Цзю на спину, чтобы посмотреть на ее живот. Она обеспокоенно позвала Дун Хуа: «Дицзюнь, ты можешь подойти и посмотреть? Лисичка, кажется, заболела». Фэн Цзю лежала на спине, все ее четыре конечности были обращены к небу. Все еще сонная, она подняла глаза и увидела, что туфли Дун Хуа остановились перед ней. Он сел рядом с Цзи Хэн и тоже потер ее круглый живот. Она покраснела. То, что мужчина вот так гладил ее живот, сильно отличалось от того, как она облизывала его лицо. Только люди, которые были близки друг с другом, могут делать так. Ее лапки начали подрагивать от беспокойства.

Цзи Хэн спросила, затаив дыхание: «Что с ней такое? Сфера Нечистого Лотоса полна всякой мерзости. К тому же она была ранена всего несколько дней назад. Неужели грязная энергия проникла в ее тело?»

Дун Хуа взял лапу Фэн Цзю, чтобы проверить ее пульс, и ответил: «Нет». Хотя одна часть Фэн Цзю ликовала, что Дун Хуа держит ее за руку, другая часть переживала о своем здоровье. Услышав ответ Дун Хуа, она, наконец, расслабилась. Но своим неизменно спокойным голосом он добавил: «Пульс хороший». Он посмотрел прямо в ее большие лисьи глаза и сказал: «У нас хорошие новости».

Цзи Хэн была ошеломлена. Огненный камень в ее руке упал на заднюю лапу Фэн Цзю.

Сонливость Фэн Цзю как рукой сняло. Через четверть часа она, наконец, пришла в себя и смогла выдохнуть, а из ее круглых глаз двумя струйками потекли слезы.

Дун Хуа помассировал ушибленную конечность Фэн Цзю. Его прикосновения были похожи на холодный снег в туманную ночь. Потом Владыка добавил своим невозмутимым тоном: «Разве старейшина лис не сказал тебе? У вашего клана очень строгие правила. Стоит тебе с кем-то пошалить или сблизиться, то очень легко сделать...»

Он еще не закончил, когда сбоку раздался заикающийся голос Цзи Хэн: «Я... я никогда... не слышала об этом».

Дун Хуа перевел взгляд на нее: «Ты тоже лиса?»

Цзи Хэн покачала головой.

- Тогда, конечно, они не расскажут тебе секрет своего клана.

Фэн Цзю была совершенно сбита с толку. Она не была волшебной лисой, но прямо сейчас пребывала в ее форме. Возможно, ношение ее меха привело к тому, что ей передались и некоторые особые черты клана. Хотя она всегда хотела добиться хоть какого-то прогресса в их отношениях, она не думала, что всё зайдёт так далеко.

Но если это ее ребенок, она должна отвечать за него, верно? Но как все-таки проходят роды? Она слышала, что есть много вещей, на которые следует обратить внимание во время беременности. Кого она должна спросить об этом? Кроме того, чью фамилию должен взять этот ребенок? У Дун Хуа не было фамилии. Учитывая семейное происхождение и родословную клана, ему все же лучше будет взять ее фамилию Бай. Но выбор официального имени дело слишком важное, чтобы решать самой. Но дома ему нужно было прозвище. Могут ли они назвать его Бай Гунь Гунь?

В мгновение ока в ее голове промелькнуло десять тысяч мыслей. Она неуверенно отползла в тихое местечко, чтобы подумать о будущем. Даже ее тень, казалось, излучала оттенок печали; она не заметила озорной улыбки в холодных глазах Дун Хуа, которая исчезла так же быстро, как появилась.

Как глупа она была тогда. Она не знала, что поддразнивание было особым хобби Дун Хуа. Если объектами его забав оказывались тихий Е Хуа или Мо Юань, они обычно не обращали внимания на это. Или, если взять Ляньсуна, тот, можно сказать, получал извращенное удовольствие от этого; тем более, обидевшись, он мог получить стократное вознаграждение. Что касается Дун Хуа... этот человек был немного особенным. С начала времен мало кто обижался на него и оставался в живых.

По правде говоря, это было довольно неловко. Дун Хуа дурачил ее целый месяц, пока она наконец поняла, что счастливого семени не будет только потому, что она однажды поцеловала его. После того, как Дун Хуа привел ее на Девять Небес, она пошла к Сымину, чтобы спросить его совета по дороговому уходу. Фэн Цзю все еще помнила, как Сымин тогда усмехнулся и указал на небо, чтобы поклясться: «Ваше Высочество, Дун Хуа одурачил вас. Если у вас в животе вдруг появится маленький Дун Хуа только от поцелуя с ним, тогда у меня будет немного кипения в животе даже от того, что я никого не поцелую».

Когда Сымин поклялся своей собственной жизнью, она окончательно уверилась, что он говорит ей правду. Но узнав правду, она, к своему разочарованию, почувствовала себя немного грустной.

Что касается слов Янь Чиу о том, что Дун Хуа влюбился в Цзи Хэн в Сфере Нечистого Лотоса, она никогда не слышала об этом раньше. В ее памяти Дун Хуа разбил Лotosовую Сферу вдребезги одним ударом меча. В результате Нефрит Запирающий Душу также рассыпался в пыль. Цзи Хэн и она были в то время самыми близкими друзьями на горе Фуюй. Потом каждая пошла своей дорогой.

В то время Фэн Цзю очень беспокоилась, что Дун Хуа не возьмет ее с собой во дворец Тайчэнь. Она была просто лисой без особого опыта, в то время как он предпочитал мир и покой. Цзи Хэн она тоже очень нравилась. Что, если он отдаст ее Цзи Хэн?

Как пушистое животное, она была рождена, чтобы быть фаворитом среди дам. Кроме того, она понимала человеческий язык, поэтому все обожали ее еще больше. Когда они прощались, Цзи Хэн, как и ожидалось, спросила Дун Хуа, может ли она забрать Фэн Цзю. Дун Хуа в это время менял ей повязку, и отказался, не раздумывая. Фэн Цзю делала вид, что ответ Дун Хуа на нее совершенно не подействовал, но в душе она делала кульбиты от радости. Однако, когда она подняла голову и увидела затуманенные глаза Цзи Хэн на ее прекрасном лице, ей стало немного жаль принцессу. Поэтому, глядя на Цзи Хэн с печальной тоской, она тоже прослезилась.

Цзи Хэн расчувствовалась еще больше, увидев выражение ее лица. Вытерев слезы на глазах, она еще раз решила побороться с Дун Хуа за Фэн Цзю.

- Лисичка тоже хочет быть со мной. Посмотри, она знает, что мы вот-вот расстанемся, и поэтому ей так грустно. Если это то, чего она хочет...

Это оказалось проблематичным. Фэн Цзю уже собиралась взять свои слезы обратно, когда Дун Хуа поднял ее. Она моргнула и увидела, что он слегка нахмурился. В мгновение ока она оказалась в его рукаве.

«Она всего лишь невежественный детеныш, который еще ничего не знает. Подавляющая и нечистая энергия в царстве демонов не пойдет ей на пользу» - ответил он холодным далеким голосом.

Она попыталась высунуть голову из его рукава. Рядом их ждали два плывущих облака. Прежде чем Цзи Хэн успела сказать еще хоть слово, Дун Хуа ступил на облако, уносимое ветром. Фэн Цзю показалось, что Дун Хуа ее недооценивает. Поскольку представители клана девятихвостых лис проводили большую часть своего времени в своей человеческой форме, их развитие немного замедлялось, когда они возвращались в свою первоначальную лисью форму. Но ей было больше 30 000 лет, она не была невежественным детенышем.

Она схватила Дун Хуа за рукав и повернулась, чтобы посмотреть на Цзи Хэн. Принцесса бежала за ними в слезах: «Дицзюнь, как ты можешь спорить со мной из-за лисички? Ты не можешь быть великодушным и позволить мне взять ее хотя бы ненадолго? Только на месяц, на полмесяца, нет, на десять дней. Разве десять дней это много?..»

Фэн Цзю не могла в это поверить. Неужели она уже так привлекательна в этом юном возрасте? Она определенно не проиграла ни своей тете Бай Цянь, ни своему дяде Бай Чжэню. Дун Хуа слышал слова Цзи Хэн, но спокойно продолжал свой путь, явно предпочитая не обращать на них внимания. Фэн Цзю, с другой стороны, была тронута словами Цзи Хэн и дала обещание однажды отплатить принцессе. В то же время она отметила для себя, что Цзи Хэн совершенно не понимала Дун Хуа. Щедрость и подобная мирская чепуха мало его заботили.

Нетронутые воспоминания Фэн Цзю о Цзи Хэн заканчивались здесь. Все остальное было лишь

обрывками воспоминаний о прибытии Цзи Хэн во дворец Тайчэнь в качестве невесты Дун Хуа.

Жизнь Фэн Цзю отступила в тень, когда она услышала новости о предстоящем браке Дун Хуа. Печаль овладела ее днями, и она с грустью отметила, что это был первый раз, когда пустынный дворец был охвачен счастьем и волнением с тех пор, как она прибыла туда. Хотя Дун Хуа все еще брал ее с собой повсюду, будь то игра в шахматы или чтение книг, ее сердце весило тонну, и она больше не чувствовала удовлетворения и счастья быть рядом с ним.

Принцесса продолжала пытаться сблизиться с Фэн Цзю. Она даже приготовила множество блюд, чтобы угодить лисе, которую она когда-то обожала в Сфере Нечистого Лотоса. Но Фэн Цзю чувствовала себя неловко всякий раз, когда видела красивое лицо Цзи Хэн, и поэтому старалась избегать ее. Однажды ночью, когда Фэн Цзю вернулась во дворец, она увидела Цзи Хэн, сидящую у моста из белого нефрита с жареным ямсом в руках. Ее лицо просияло, когда она помахала Фэн Цзю, но та поспешила скрыться за арочным дверным проемом. Повернувшись, чтобы в последний раз взглянуть на Цзи Хэн, она увидела, что улыбка принцессы угасает вместе с сумерками, выглядя совершенно несчастной. Фэн Цзю оставалась за дверью, пока Цзи Хэн с жареным ямсом в руке молча не отправилась восвояси. Ее зрение затуманилось, когда солнечный свет ослепил ее глаза.

Много лет спустя, Фэн Цзю поняла, что между людьми всегда найдутся натянутые нити судьбы. Эти бесчисленные нити переплетались в то, что они знали как великий гигакосм. Как бессмертной, ей не следовало так много внимания уделять своей собственной судьбе. Но вместо этого она придавала слишком большое значение себе и Дун Хуа, не замечая ничего вокруг. Стоило один раз взглянуть ему в глаза, и она становилась слепой касательно других вопросов. Она была рядом с Дун Хуа и самым близким ему человеком, но не знала ни о его чувствах к Цзи Хэн, ни даже о его судьбе с нею. Оглядываясь назад, это было довольно постыдно. Она была богиней, но не мудрее самих смертных. Размышляя про себя после возвращения в Цинцю, она пыталась вспомнить, действительно ли Дун Хуа был влюблен в Цзи Хэн, но не могла вспомнить многого. А потом она постаралась постепенно выкинуть все это из головы.

Она не ожидала, что в этот день, двести лет спустя, ее просветит Янь Чиу, тот самый человек, который положил начало несчастной судьбе между ней, Дун Хуа и Цзи Хэн. Слово «судьба» было поистине удивительным.

В начале июня палящее солнце в долине Фаньинь светило ярко. Воин Сяо Янь непрерывно вытирал лоб, глядя на плывущие вдалеке облака. Сидя рядом с Фэн Цзю, он говорил о единственном романе Дун Хуа за последние тысячи лет. По его мнению, ничего хорошего в этой любовной истории не было.

---

[1] Бийняо — китайские птицы-неразлучники, имевшие на двоих одну пару крыльев, ног и глаз, отчего могли летать лишь в паре.

[2] Цикл цзя-цзы - шестидесятеричный цикл, на котором строится вся китайская метафизика и китайский календарь

[3] Доу-му («матушка ковша») - в поздней китайской мифологии божество, ведающее жизнью и смертью, обитающее на звёздах Большой Медведицы. Изображается с четырьмя лицами и восемью руками, в которых держит лук, копье, меч, флаг, голову дракона, пагоду, солнце и луну. Доу-му почиталась как даосами, так и буддистами. Под влиянием буддизма Доу-му стали

изображать сидящей на лотосе с короной бодхисатвы на голове. У неё три глаза, один посередине лба поставлен вертикально, благодаря чему она видит всё, что свершается в мире.

[4] Дхармачакра — символ дхармы, учения Будды о пути к просветлению, освобождению от кармических перерождений в сансаре. Традиционно изображается в виде стилизованного колеса с восемью спицами.

[5] Бодхиचितта (санскр. बोधिचित्त, в дословном переводе «просветление сознания») — в буддизме высшая ступень просветления (бодхи). На ней человек преисполняется желанием избавиться от страданий в круговороте рождения и смерти уже не себя одного, но и всех окружающих

[6] Это одна из хорошо известных буддийских историй, в которой Будда (как принц Саттва) спас тигрицу, пожертвовав своей плотью. Однажды, когда они с братьями прогуливались по лесу, они увидели тигрицу с недавно родившимися тигрятами. Она была так голодна, что едва ли могла двигаться. Три принца пошли дальше, но Махасаттва решил вернуться, и отрезал кусок своей плоти, чтобы накормить голодную тигрицу. Когда же его братья вернулись за ним, они нашли только кости и волосы.

[7] Ямс - клубневая культура, очень похожая на картофель

[8] Жадеит - минерал зелёного цвета, внешне похожий на нефрит

<http://tl.rulate.ru/book/32932/721951>